

1 ЯНВ 1970

ПРЕКРАСНЫХ МУЗ ПРИЮТ

БЫЛО время, когда эта, одна из прекраснейших площадей нашего города называлась Михайловской. Площадь, которая, в подлинном смысле слова, была приютом чуть ли не всех муз Аполлона, носила имя дворца солдафона и дикого гуляки, младшего брата Николая Палкина — Михаила. Теперь у нее строго торжественное название — площадь Искусств.

И ведь верно, что все музы чувствуют себя здесь в своих владениях. Едва ли не во всех зданиях, обрамляющих этот чудесный уголок нашего города, царствуют прекрасные девы из свиты Аполлона. Мельпомена — муза трагедии и Терпсихора — муза танца витают под сводами зала Малого оперного театра. Талия, муза комедии с неизменным тимпаном и театральной маской в руках, обитает в Театре музыкальной комедии. Задумчивая Клио, муза истории, осеняет своим покровительством Музей этнографии... Три служительницы Прекрасного — Каллиопа, Эвтерпа и Эрато, музы эпической поэзии, лирики и любовных песен, кружат над центром площади, где высится бронзовый Пушкин, величайший наш песнопевец.

Добавим к этому, что своими фасадами сюда выходят Филармония, Русский музей с его изумительной сокровищницей шедевров живописи, графики, скульптуры, что тут же находится музей-квартира выдающегося мастера кисти И. И. Бродского... И нам сразу станет ясно, сколь точное и справедливое имя дали этому заповедному уголку Ленинграда — площадь Искусств!

А лет около полутораста назад не было ни Русского музея, ни белоколонного зала дворянского собрания — ныне Филармонии, ни Музея этнографии, ни Музыкальной комедии... Но и тогда именно здесь находился центр столичной артистической и музыкальной жизни...

В трех домах, ныне значащихся под №№ 5, 3 и 4, попеременно обитал человек, бывший другом Пушкина и Гоголя... Имя его было широко известно не только у нас, но и за границей. В близком приятельстве был он с темпераментным автором «Севильского цирюльника» — Россини, с восторгом отзывались о нем великие музыканты Клара и Роберт Шуманы, поэтически страстный Берлиоз, король пианистов всех времен и народов — Ференц Лист...

Действительно, далеко незаурядной личностью был Михаил Юрьевич Виельгорский. Богатый вельможа, он зачастую тяготился жизнью придворного с ее мишурностью и казенным этикетом. Он буквально преобразился, когда с облегчением сбрасывал с себя расшитый золотом мундир и становился наконец самим собой. Становился гостеприимным хозяином одного из популярнейших салонов второй четверти прошлого века, где весьма частыми гостями были не только Пушкин и Гоголь, но и юный Лермонтов, полные творческих замыслов Глинка, Даргомыжский, Брюллов... Захаживали сюда и Петр Вяземский, и Василий Жуковский, и известный музыковед Владимир Одоевский, и многие другие представители прогрессивной интеллигенции того времени...

Что влекло их сюда? Михаил Юрьевич Виельгорский был композитором и блистательным музыкантом. Вместе с ним жил брат его Матвей, один из одареннейших русских виолончелистов, владевший прекрасным инструментом работы знаменитого Страдивари... Сомнений нет — музыкальные вечера у Виельгорского были центром притяжения его радушного салона.

Но не только музыка влекла в дом на Михайловской площади. Михаил Юрьевич был человеком энциклопедической образованности. Во многих искусствах и науках он чувствовал себя как дома. И даже Урания, муза астрономии, покровительствовала Виельгорскому у его ночных странствиях по звездному небосводу.

Здесь находилось книжное собрание со многими редчайшими русскими и зарубежными изданиями. К счастью, как обычно бывало, библиотека Виельгорского не распылилась. Дочери его передали книжную сокровищницу отца в дар Румянцевскому музею, а отсюда она попала в хранилище Государственной Публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

Тут же находилась и нотная библиотека, равной которой не было во всей России. Виельгорский, будучи сам автором одной из первых русских симфоний, любовно собрал партитуры большинства симфонических произведений зарубежных композиторов. В сороковых годах в Петербург приехал Роберт Шуман. В зале Виельгорского он дирижировал своей симфонией, партитуру которой привез с собой. Успех был полный. Радостно взволнованный композитор сказал хозяину:

— Как жаль, что не захватил с собой партитуры некоторых моих других ранних симфонических произведений. Они несомненно понравились бы вашим гостям, столь прекрасным слушателям...

Виельгорский ничего не ответил. Но какое было удивление Шумана, когда хранитель нотной библиотеки через десять минут принес в зал и положил на стол две стопки партитур, о которых говорил знаменитый музыкант. Через неделю Роберт Шуман дирижировал новой программой своих творений.

В зале воцарялась тишина, когда наступал долгожданный час и за фортепиано садился сам Михаил Юрьевич. Он начинал играть особо любимого им Моцарта... И вдруг мелодия обрывалась. Какая-то тема моцартовской музыки неожиданно привлекла внимание исполнителя. Он забывал о том, что салон полон людей, что его слушают затаив дыхание... Михаил Юрьевич проигрывал для себя понравившуюся тему, повторял еще и еще раз. И тут началось подлинное священнодействие. Виельгорский был изумительным импровизатором. Закрыв глаза, он уносился в мир музыкальной фантазии. Пальцы его бегали по клавиатуре, мелодии рождались одна прекраснее другой. Если бы его по окончании музицирования попросили повторить импровизацию, он этого не смог бы сделать с художественной полнотой именно потому, что это была импровизация.

Мало кто знает, что именно в доме Виельгорского впервые зазвучала музыка «Ивана Сусанина». Когда Глинка закончил его, Виельгорский много помог в том, чтобы оперу поставили в Большом театре. Генеральная репетиция была проведена не на театральной сцене, а в зале Виельгорского. Много гостей собралось в этот памятный вечер у Михаила Юрьевича. Тесно было — для участия в репетиции прибыл хор придворных певчих, оркестр, известные первичи и певцы. Строгим ценителем и доброжелательным советчиком был Виельгорский для Глинки. Вскоре состоялось первое представление «Ивана Сусанина», превратившееся в триумф русской музыки. Этому триумфу радовались все, кому дорого было национальное искусство России. По сему поводу четверо друзей — Пушкин, Жуковский, Вяземский и Михаил Виельгорский — решили сочинить шуточный канон в честь творца «Ивана Сусанина». Решили и быстро сочинили:

Пой в восторге, русский хор, —
Вышла новая новинка,
Веселись, Русь, наш Глинка —
Уж не Глинка! уж не Глинка, а фарфор!

Дорог нам этот дом и тем, что здесь создавалась музыка для песен и стихотворений Пушкина. Волнующие строки пушкинской поэзии, сами по себе звучащие, как музыка, не могли оставить равнодушным ни одного композитора, будя в нем желание сочинить романс на слова великого поэта. Конечно, не остался равнодушным и Михаил Юрьевич Виельгорский. Он сочинил музыку для знаменитой «Черной шали» Пушкина, «Песни Земфиры», «Шотландской песни». Некоторые из названных творений Виельгорского были отпечатаны еще при жизни опального поэта.

Дружба Виельгорского и Пушкина зиждилась не только на чисто музыкальных интересах. Обоим сблизила также любовь к поэзии, к литературе. Известный пушкинист Бартенева утверждал, что канву сюжета «Медного всадника» подарил поэту не кто иной, как Михаил Юрьевич Виельгорский. Он был изумительным рассказчиком, и Пушкин любил слушать его. Рассказывал он столь красочно и увлекательно, что образы, описываемые Виельгорским, становились чуть ли не физически зримыми и осязаемыми. Не удивительно, что Пушкина так сильно заинтересовала легенда о майоре Батурине, переданная ему Михаилом Юрьевичем.

Случай этот якобы произошел в год нашего Бонапарта на Россию. Некому петербургскому офицеру, майору Батурину, не-

сколько ночей подряд снился один и тот же сон. Майор будто стоял перед «Медным всадником» и вглядывался в лицо царя Петра. Неожиданно голова поворачивалась в сторону Батурина, поднималась рука, оживал бронзовый конь, и царственный всадник медленно спускался со скалы... Вначале шагом, потом рысью он устремлялся вперед по улицам ночного Петербурга. Далее, как гласила легенда, бронзовый всадник останавливался у дворца на Каменном острове, у входа в который стоял Александр I. Петр торжественно объявлял ему, что, покуда он будет высится на скале у Невы, Петербургу бояться нечего.

Вторая часть легенды, видимо, уже мало интересовала Пушкина, но образ скачущего по улицам столицы бронзового коня уже обрастал деталями... Ему уже слышался цокот огромных копыт и чудились искры, вылетающие из-под медных подков... Зерно, брошенное Виельгорским, попало на благодатную почву. Гений Пушкина подарил нам одну из своих вдохновеннейших и суровых поэм.

Ни разу не омрачалась дружба поэта и Виельгорского. В скорбные зимние дни 1837 года, когда смертельно раненного на дуэли Пушкина внесли в его квартиру на Мойке, 12, Михаил Юрьевич сразу же примчался сюда. Виельгорский вместе с другими самыми близкими друзьями поэта оставался здесь до самой кончины Пушкина.

Как уже было сказано, частым гостем Виельгорского был Николай Васильевич Гоголь. Музыкальная атмосфера этого дома была особенно близка писателю. Любовь к музыке зародилась у него еще под сенью вишневых садов родной Полтавщины. Великий мастер комедии, приходя к Михаилу Юрьевичу, был, однако, мало разговорчив. Слушал музыку задумчиво. Грустным взглядом следил за одной из дочерей Виельгорского — Анной Михайловной. Она была единственной любовью Гоголя, который даже просил ее руки.

Как ни сложно было в те времена отправляться в дальние вояжи, все же в Россию — и особенно в ее столицу — приезжало много иностранных знаменитостей. И кто бы ни приезжал, не мог миновать дома Виельгорского. Гектор Берлиоз, возвратившись в Париж, называл этот дом «маленьким храмом изящных искусств». Знаменитый бельгийский скрипач Анри Вьетан, автор семи концертов для скрипки с оркестром, в течение семи лет был придворным солистом в русской столице. Не раз он говорил, что играл в скамеечке богатых залах Зимнего дворца, что царь внимал его музыке, награждая виртуоза драгоценными подарками. Однако в Петербурге было одно лишь место, где скрипач ощущал подлинное царство прекрасного. Праздником становился для Вьетана день, когда он переступал порог дома Виельгорского.

Для очень узкого круга любителей музыки Михаил Юрьевич периодически устраивал вечера, на которых исполнялись квартеты Гайдна, Бетховена... Хотя Моцарт и был музыкальным идеолом Виельгорского, но поклонялся он и музыке Бетховена. Чтобы послушать творца «Аппассионаты» и «Патетической сонаты», Виельгорский, выезжая за границу, сразу же наводил справки, где выступает как пианист и как дирижер Людвиг ван Бетховен. А разузнав, отправлялся на страстно желанный концерт гениального музыканта.

На сцене Итальянской оперы в Петербурге звучали голоса многих выдающихся певцов и певиц и среди них прославленных Джованни Марио, лирического тенора, и его жены Джулии Гризи — сопрано. Однако самыми блистательными были их выступления на концертах в доме Виельгорского. «Тут царствуют музы, дарящие нам вдохновение, которого я не испытываю нигде более», — говорил Джованни Марио.

Знаменитая французская певица Полина Виардо, страстная почитательница русской поэзии и сочинившая множество романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Кольцова, Фета и других стихотворцев, называла дом Виельгорского, где выступала на музыкальных вечерах, «маленькой академией большого искусства», «приютом муз прекрасных»...

* * *

Счастливая судьба у этой площади. Многие десятилетия музыка не перестает звучать в стенах обрамляющих ее зданий. Сумерки опускаются на город, и тысячи любителей Прекрасного устремляются на эту площадь, в гостеприимно распахнутые двери музыкальных театров, величественного зала Ленинградской филармонии. На одном из концертов слушал я здесь изумительную «Камаринскую» Глинки. После концерта я вышел на площадь весь еще в гипнотической власти звуков, рожденных гением великого композитора. Невольно вспомнилась образная фраза Чайковского о том, что «Камаринская» была тем желудком, из которого вырос могучий дуб русской симфонической музыки. Вспомнил и, невольно взглянув на бывший дом Виельгорского, подумал: ведь это здесь, здесь Глинка вступал в русскую музыку, как один из великих ее творцов.